

УДК 82-5+82.091

А. С. РОДИОНОВА¹

О ДОКЛАДЕ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА В НОРВИЧСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (США) НА НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ 100-летию Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Анализ доклада Фазиля Искандера «Пастернак и тема ясности в искусстве», произнесённого в 1990 году в Норвичском университете (США), сочетается с личными воспоминаниями автора о писателе.

Ключевые слова: поэзия Фазиля Искандера, Борис Пастернак, Булат Окуджава, Лев Лосев, почётный доктор Норвичского университета.

1990 год. В Норвичском университете (штат Вермонт, США) подготовили научный симпозиум к столетию Бориса Пастернака. Были приглашены гости со всего мира, и первый раз за многие годы из Советского Союза — Фазиль Искандер с лекцией о великом русском поэте. Мы тоже были приглашены в этот университет и стали свидетелями его выступления.

Здесь конференции бывали каждое лето — например, симпозиум следующего, 1991 года был посвящён столетию Марины Цветаевой — на базе русской школы. В английском языке слово *школа* звучит основательнее, чем в русском, это не жалкая десятилетка, а летний университет изучения русского языка с хорошими преподавателями и серьёзной аспирантурой.

Фазиль Искандер мог прочитать свою лекцию на русском языке, не нуждаясь в переводе, — ему внимали не только профессора, не только эмигранты, но, главное, студенты, многие из которых знали русский блестяще. Можно было только поражаться, с какой любовью они учили русский язык — в восхищении от русской литературы. Поэтом-резидентом в Норвиче был Наум Коржавин, он тоже читал лекцию, а также был приглашён Булат Окуджава, который до этого уже много лет отказывался петь свои песни, но тут не устоял и, хотя спотыкался, забывая слова, тут же зал подхватывал и продолжал строчку — подсказывали американские студенты, хорошо выученные своими наставниками.

Руководителем пастернаковского симпозиума был Лев Лосев — друг Бродского, сам блестящий поэт.

¹ Анна Сергеевна Родионова — актриса, кинодраматург, писатель (Москва, Российская Федерация); rodionova45@yandex.ru

Стояло сказочное лето 1990 года, и перемены в России добавляли восторга к каждому выступлению. Заседания проходили в замечательном, старинного вида зале университета с портретами основателей в тяжёлых рамах.

Фазиль готовился по-настоящему, он вообще ничего не умел делать халтурно — ходил по нашему дачному внуковскому посёлку, выискивая мысленно ассоциации, роднящие его с Пастернаком, пробуя на язык образы каждого поэтического слова поэта, восхищаясь лёгкостью строчки и тяжестью заложенного в ней смысла.

В это же время надо было ходить в посольство, оформлять и ожидать визы. Слава Богу, уже отменили выездные визы и не надо было унижаться перед безграмотными пенсионерами-чиновниками на допросе в ОВИРе.

А тут Пастернак.

Кто-то из своих задал тогда Фазилю вопрос, на мой взгляд, дурацкий: зачем вы едете в Америку? Фазилю не стал ублажать слух вопрошающего названием конференции, вернее симпозиума, ответил просто: «сыну Америку показать», а Сандрику в это время было лет пять.

У всех нас, приехавших в то лето, было ощущение, что никакую Америку мы не увидим: вокруг никаких небоскрёбов, чисто сельский пейзаж — коровы и лошадки, растут ромашки и крапива. . . Нас поселили в общежитии, вокруг все говорили по-русски, двух писательских жён: Тоню Искандер и Олю Окуджаву — подрадили дежурить по вечерам для консультаций по языку — у меня где-то до сих пор хранится афиша русского кафе с этими двумя именами. Но студенты стеснялись и не шли, зато шли все наши, которые просто любовались на этих красавиц — у поэтов хороший вкус.

По итогам симпозиума, по традиции, на хорошей бумаге, с соответствующим предисловием был выпущен сборник произнесённых докладов, и благодаря ему сейчас и всегда можно восстановить то, что тогда происходило.

Удивительное и при том естественное сочетание литературоведения и поэтических эссе!

Задиристый Борис Парамонов — «Пастернак против романтизма», мудрый Илья Серман — «“Высокая болезнь” и проблема эпоса в 1920-е годы», загадочный Лев Лосев — «Бедствие среднего вкуса».

Поэты восклицают — «Любовь пространства» (Владимир Уфлянд), «Каторга, какая благодать!» (Юнна Мориц), «Да здравствует Пастернак!» (Леонид Виноградов)...

Тема Искандера — «Пастернак и тема ясности в искусстве»: сразу становится понятно, что болит у Фазиля.

Он пишет:

«Помнится, школьником, роясь в грудe книг, разбросанных на стойке сухумского букиниста, я вытащил маленькую книжку стихов с именем *Пастернак* на обложке. Имя мне ничего не говорило. Я уж собирался положить книгу на место, но тут старый букинист сказал: “Берите, не пожалеете. Это современный классик”. Я тогда абсолютно не верил, что классик может быть современным. Но листанул книгу и впервые прочёл стихотворение “Ледоход”. Впечатление было ошеломляющее и странное. Как будто в жаркий летний день в мой разинутый рот кто-то из ведра вливает лимонад. И вкусно, и слишком много».

Современный классик Искандер о современном классике Пастернаке? Подросток Искандер смог оценить этот «водопад» ледохода!

Ещё о восходах молодых
 Весенний грунт мечтать не смеет.
 Из снега выкатив кадык,
 Он берегом речным чернеет.
 Заря, как клещ, впилась в залив.
 И с мясом только вырвешь вечер
 Из топи. Как плотолюбив
 Простор на севере зловещем.

Далее Фазиль говорит:

«Общение с поэзией раннего Пастернака напоминает разговор с очень пьяным и очень интересным человеком. Изумительные откровения прерываются невнятным бормотанием, и в процессе беседы мы догадываемся, что и не надо пытаться расшифровывать невнятицу, а надо просто слушать и наслаждаться понятным. Я бы даже сказал: “дай Бог понять понятное!”»

Искандер признавался, что не он сочиняет словесную музыку, а откуда-то свыше, как хороший ученик-отличник, он слышит диктант и старается успеть записать каждое слово, которое проникает в него.

Сродни ему Пастернак, и на его примере Искандер старается постичь эту алгебру.

Слегка завидуя, Искандер замечает, что высокая, чисто музыкальная одарённость Пастернака играла свою роль. Как известно, Пастернак готовил себя в профессиональные музыканты, и его первые опыты были одобрены Скрябиным, но он бросил музыку из-за какой-то мистической сверхчестности: у него не было абсолютного слуха, как у Чайковского и Вагнера.

Затем Фазиль делает замечательный вывод — чисто искандеровский:

«По-видимому, абсолютный слух только у Бога и у настройщиков роялей».

Что чудо лирики? Огонь,
 Из бездны вырванный зубами.
 И странен стих, как звёздный камень,
 С небес упавший на ладонь.

Это не Пастернак. Это Искандер.

Фазиль писал чистейшую прозу и прекрасные стихи. Проза на какое-то время затмила стихи. Но и проза, и стихи существуют в его творчестве на равных.

Вот рассуждение Искандера в том же докладе о стремлении поэта к ясности:

«Подобно тому, как мы соразмеряем свой голос с расстоянием, на котором от нас находится собеседник, подобно тому, как мы, указывая собеседнику на какой-то далёкий предмет, исходим из того, что сила его зрения позволяет ему разглядеть этот предмет, подобно тому, как мать, отпуская ребёнка, делающего первые шаги, инстинктивно определяет, на сколько шагов его можно отпустить, чтобы успеть подхватить его, когда он будет падать, — так и в искусстве чувство читателя, чувство собеседника определяет нормальную речь художника, заставляя его избегать неуважительных длиннот и столь же неуважительной конспективности».

Конец толстовски великолепной фразы с могучими придаточными, с грамматическими усилениями, дабы мысль дошла до каждого слушателя, и тут же, в следующей фразе, короткое резюме в духе крыловской морали:

«Искусственно усложнять стиль в угоду неведомому эстету — не более почётно, чем упрощать его в угоду малограмотному начальству».

Всем сёстрам по серьгам.

И «сестре моей, жизни» тоже.

Дальше докладчик переходит к любимой теме, отойдя от Пастернака.

Говорит о юморе.

На этом поле он — непревзойдённый игрок:

«Искусство как юмор существует только тогда, когда подразумевается некто другой, воспринимающий его сегодня, сейчас или через сто лет — всё равно. Кстати, если бы учёные могли доказать, что наша планета источает юмор, то это означало бы, что существует другая планета, способная воспринимать хотя бы чёрный юмор нашей планеты».

Планета, на которой сейчас обитают Пастернак и Искандер, источает божественное чувство причастности к чуду — и мы благоговейно внимаем этому диалогу великих.

«Дуновение духа, — говорит Искандер, — выстраивает слова в художественном порядке, а не слова порождают дуновение духа, как это иногда кажется писателю. Наличие паруса никак не порождает ветер, но наличие ветра породило мысль о парусе. Мы не знаем, кто создал слово, но кто бы его ни создал, он знал, что дух уже есть».

Искандеру представляется, что общеизвестное изречение из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» многими писателями трактуется произвольно. По его мнению, «Слово было Бог» — метафора, обозначающая, что Слово есть наиважнейшее творение Бога. Он говорит:

«Там, где истинный Бог убит, Слово превращается в Бога-самозванца. Так происходит в тоталитарном обществе. И потому пропаганде, то есть Слово, там придаётся огромное значение. И пропаганда сначала имеет огромный успех, пока люди, оглянувшись на свои дела, не догадываются, что Слово было мертво, и что правил ими не Бог, а Самозванец».

Искандер озабочен контактом с Читателем.

«Писатель, который прочёл в глазах у читателя радость узнавания своего искусства, — говорит он, — сам превращается в благодарного читателя души своего собеседника. В этом великий объединяющий смысл искусства, и если бы даже это объединение ограничивалось только взаимным утешением, этого было бы достаточно. Ничто живое так не нуждается в утешении, как человек».

Далее Искандер предлагает такое понимание поэтического воздействия:

«Поэт может увидеть во сне копну сена и испытать ужас конца существования. Но читатель его поймёт только в том случае, если поэт через образ, которого не было во сне, раскроет причину своего ужаса. Чтобы стихотворение на эту тему дошло до читателя, поэт должен наяву пересмотреть свой сон и вставить, скажем, женскую гребёнку в головообразную копну сена!»

Как это точно: именно этим занимался Пастернак — вставлял женскую гребёнку — как в ранних стихах: «Любимая, жуть, когда любит поэт, влюбляется Бог неприкаянный... и хаос тогда выползает на свет, как во времена

ископаемых», так и в поздних... «Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему...»

А вот Искандер, стихотворение «Маяковский»:

Любовь! Любовь! Его химера!
Пантера! Кукла без размера!
Он знает, но глаза, глаза...
Брезгливый комплекс Гулливера
И лошадиная слеза.

И моё любимое:

Жизнь — неудачное лето.
Что же нам делать теперь?
Лучше не думать про это.
Скоро захлопнется дверь.

Всё же когда-то и где-то
Были любимы и мы.
И неудачное лето
Стоит удачной зимы.

В конце своего выступления Искандер вспомнил о Пастернаке... Нет, я не права — он о нём не забывал, просто разговаривал, полемизировал, не упоминая его имени.

«Долгий творческий путь Пастернака действительно привёл его к неслышанной простоте. Невероятные страдания родины, которые всегда были и его собственными страданиями, в конце концов укротили в христианском смысле буйство и неоглядчивую субъективность его творческой фантазии».

В этих словах Фазиля чувствуется сожаление.

Но он продолжает:

«Кровавый хаос окружающей жизни делал бестактным хаос бушующих метафор. Скорбное величие реальных утрат делало неуместным излишний шум творческой фантазии».

Затем Фазиль цитирует «словесную живопись» позднего периода Пастернака и говорит, что это Рембрандт:

Лбы молящихся, ризы
И старух шушуны
Свечек пламенем снизу
Слабо озарены.

И делает заключение:

«Романтические водопады музыки ранних стихов сменились тихим урчанием подмосковных ручьёв или глубоким однообразием церковной музыки».

Фазиль замечательно читал свои стихи — чётко, внятно, доходчиво, но, очевидно, формат научных конференций требовал скорости — лимит времени подхлестывал, — и доклад Фазиля никого особенно не потряс, ибо мы не успевали оценить этот каскад мыслей, образов, парадоксов. То, что без спешки прочитываем сегодня.

Искандер закончил с чувством глубокого удовлетворения — оправдал приезд — и передал текст Льву Лосеву: мол, делайте с ним, что хотите.

Потом его и Булата приняли в почётные доктора Норвического университета, и оба они стояли в мантиях и квадратных шапочках с кисточками, спадающими на носы.

Фазиль сдул кисточку — она мешала, и кисточка куда-то пропала.

Её искали, но не нашли.

Тогда Тоня сказала в сердцах:

— Ты даже кисточку не смог сохранить. Посмотри на Булата!

Потом, спустя многие годы, мне попался на глаза этот сборник...

Кисточка пропала, а голос Фазиля звучит.

Он здесь. Он с нами.